

Александр Куприн

СОБАЧЬЕ СЧАСТЬЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К92

Куприн, А.

К92 Собачье счастье / А. Куприн. — М. : Т8RUGRAM, 2018. — 142 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-519-63434-2

Александр Иванович Куприн (1870–1938) — известный русский писатель, творчеству которого присущ активный, действующий гуманизм, пламенная любовь к природе и человеку.

«Собачье счастье» — прекрасный сборник рассказов и повестей писателя, среди которых: «Странный случай», «Полубог», «Наталья Давыдовна», «Собачье счастье» и многие другие. Отличающиеся глубоким психологизмом и неповторимыми сюжетами, произведения настоящего мастера литературы оставят неизгладимый след в душе каждого читателя.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-63434-2

© Т8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Локон.....	5
Странный случай.....	13
Бонза.....	23
Ужас.....	35
Полубог.....	43
Наталья Давыдовна.....	63
Собачье счастье.....	71
На реке.....	83
Блаженный.....	93
Сказка.....	105
Кляча.....	113
Чужой хлеб.....	119
Друзья.....	127
Марианна.....	135

ЛОКОН

Представьте себе серьезное, неподвижное лицо в виде вытянутого книзу четырехугольника. Дополните лицо черной бородой в форме лопаты, лысиной, над которой вьется редкий пух, и большими синими консервами. Затем вообразите это лицо приставленным к маленькой, хилой, облеченной в длинный сюртук фигурке — и перед вами получится довольно точное изображение внешности Петра Илиодоровича Нарциссова, одного из деятельных сотрудников «Приволжского листка».

Ядро редакции, в тесном смысле, составляли мы трое: я, в качестве специального» заимствователя», под громким названием «обозревателя внутренней жизни», Петр Илиодорович — единственный в городе репортер, а также «наш собственный корреспондент» из всех мест земного шара, начиная с ближайшего уездного городка и кончая Калькуттой и Чикаго, и Сашенька Крикуновский, желчный и великодушный чудаки, энциклопедист, «катавший» в листке ежедневные передовицы по всем отраслям науки, искусства, философии и политики. Четвертым и — надо сознаться — самым ревностным сотрудником «Приволжского листка» были ножницы, громадные, заржавевшие ножницы, которые вечно кто-нибудь «куда-то затаскивал», что служило частым поводом к оживленным редакционным прениям.

В шесть часов вечера мы собирались в редакцию в ожидании курьерского поезда, привозившего московскую и петербургскую почту. Зимой, по случаю снежных заносов, это ожидание иногда затягивалось на час и даже

на два. Тогда все мы втроем садились вокруг пылающего камина. К нашей компании присоединялся Цезарь, старый, подслеповатый черный сеттер, принадлежавший редактору. Он подходил к нам своей подагрической походкой на нестигающихся ногах, тыкал каждого из нас в руку своим холодным и мокрым носом и затем со старческими вздохами укладывался поближе к огню.

Вот в эти-то вечерние часы Петр Илиодорович и являлся жертвою нашего скучающего остроумия. То мы выдумывали, что редактор распорядился выдать нам всем по сто рублей авансом, то уверяли Петра Илиодоровича, что утром приезжал в редакцию и спрашивал его какой-то сердитый генерал, то сочиняли целые фантастические истории по поводу его любвеобильного сердца.

Кто увидал бы, как Петр Илиодорович пробирается по улице бочком и сторбившись, осторожно и спотыкающейся походкой, похожей на походку слепого, тот невольно улыбнулся бы, услышав, что наш почтенный сотрудник являлся героем постоянных и многочисленных романов. Но это было так. Сам Петр Илиодорович со значительными движениями бровей рассказывал нам иногда про свои победы. В этих таинственных рассказах фигурировали то Баден-Баден и богатая иностранная графиня, то ревнивый муж и отчаянный прыжок Петра Илиодоровича в окно третьего этажа, то какая-то дочь родителей-миллионеров, покушавшаяся на самоубийство вследствие безнадежной любви.

Отличительною чертой в характере Петра Илиодоровича было то, что он не замечал, когда над ним смеются, и всегда на наши коварно-осторожные вопросы отвечал с самым искренним простосердечием. Однажды, от нечего делать, мы решили проследить, кто такая на самом

деле таинственная и прекрасная Степанида, о которой Петр Илиодорович с многозначительной мимикой и красноречивыми фигурами умолчания говорил нам в продолжение целого месяца. С этой целью мы внезапно, без приглашения, нагрянули в квартиру нашего товарища. Петр Илиодорович ужасно нам обрадовался, растерянно засуетился по комнате, не зная, где нас посадить, и закричал в отворенную дверь: «Степанида! Степанида! Самовар скорее!» Мы с нетерпением устремили глаза на двери и так и покатались со смеху, когда в комнату вошла громадная баба лет тридцати шести, рябая, курносая, похожая на переодетого солдата. Петр Илиодорович догадался о причине нашего смеха, но слишком поздно...

Последнюю зимою в наш город приехала бродячая цирковая труппа, состоявшая всего, кажется, из шести человек. В середине зимы к ней присоединилась, в качестве гастролерши, мисс Мей — девица американского или английского происхождения, практиковавшая на арене цирка опыты гипнотического внушения, отгадывания мыслей и чуда необычайного и внезапного увеличения в весе тела. Надо отдать ей справедливость, она была прехорошенькая — сильная, краснощекая и смешливая брюнетка с живыми глазами, темным пушком на верхней губе и великолепными зубами.

Дня два или три спустя после ее первого дебюта Петр Илиодорович, придя в редакцию, казался особенно проникнутым серьезностью и загадочностью. Мы ждали, что будет. Петр Илиодорович молчал с четверть часа, усердно переписывая какую-то заметку. Потом он внезапно приподнял голову, посмотрел на нас поверхочков и медленно произнес:

— Того... в цирке вчера был... Мы молчали.

— Какая хорошенькая!.. Англичанка-то... Меня ей вчера представили...

— Как же вы с нею, Петр Илиодорович, разговаривали? — спросил я. — Ведь вы, кажется, по-французски-то...

— Ну вот, — обиделся Петр Илиодорович, — настолько то я понимаю, чтобы того...Салонный-то разговор... пригласила бывать у нее от четырех до шести...

— Значит, с победою, Петр Илиодорович? — вставил невинным тоном Сашенька.

— Ну вот... вы сейчас и с победою, — законфузился, однако не без удовольствия, Нарциссов. — Как вы, ей-богу, господа, нескромны относительно женщин!.. С этих пор для нашего почтенного коллеги начался целый ряд мытарств. Он лез из кожи вон, раздавая билеты на бенефис черноглазой мисс, ежедневно приносил редакцию пламенные и длинные заметки об ее удивительных номерах, заметки, от которых редактор, благодаря их рекламному характеру, оставлял не более трех строчек, торчал вечно за кулисами цирка и вообще был в это время как будто бы несколько ненормальным.

Впрочем, по-видимому, он совершенно не пользовался успехом у прекрасной мисс. По крайней мере, выходя однажды из цирка и случайно подслушав разговор Петра Илиодоровича с мисс Мей, которую он провожал до коляски, я почти в этом убедился.

— Мадемуазель, — говорил Петр Илиодорович каким-то необыкновенно нежным сюсюкающим голоском, забегая то с левой, то с правой стороны, — мадемуазель, жесюи ажурдюи аншанте пар ву. Ву зет экстраординер. Ком юн деесс!.. Ту ля пюблик осей, ком муа...¹

¹ Я сегодня очарован вами. Вы необыкновенны. Вы богиня!.. Вся публика тоже, как и я... — *Искаж. фр.*

В это время к мисс Мей подлетел высокий офицер в николаевской шинели, и мисс поспешно уселась вместе с ним в коляску, забыв даже проститься со своим горячим поклонником. А Петр Илиодорович долго еще стоял без шапки, глядя вслед своей удаляющейся «деесс».

Когда в редакции заходила при нем речь о мисс Мей, он многозначительно молчал. Однако скептическая улыбка на его губах и усиленное подергивание бровей очень ясно говорили нам: «Эх, господа, никто из вас ничего верного не знает. Вот я действительно мог бы рассказать кое-что, если бы только был менее скромнень». Между тем приближалось время отъезда англичанки. В газете уже появились одно за другим объявления о ее предпоследнем, последнем и еще два раза последнем выходе. Петр Илиодорович по этому поводу носился как будто в каком-то тумане: он проектировал грандиозные проводы, бегал всюду с билетами на прощальное представление, собирал по подписке деньги на ценный подарок уезжающей диве. Наш редактор только покачивал молча головой и хладнокровно вымарывал его панегирики.

В редакции Петра Илиодоровича почти не было видно, зато, придя туда однажды, я застал Сашеньку Крикуновского за странным занятием, не подходящим к его солидным летам, к его почетному положению в газете. Он сидел на стуле перед камином, широко расставив ноги, и аккуратно стриг ножницами пушистый хвост Цезаря. Старик, по-видимому, вовсе не противился этой операции и только, изогнувшись кольцом, с некоторым изумлением обнюхивал руки импровизированного цирюльника.

— Что это вы делаете, Сашенька? — спросил я не без некоторой тревоги.

— Подождите, потом узнаете, — отвечал он серьезно.

Окончив стрижку, он достал из кармана атласную розовую ленточку и тщательно обвернул ею порядочный пучок собачьих волос. На все мои расспросы он только принимал таинственный вид и говорил, что я потом все узнаю. Так я от него и не мог добиться никакого определенного разъяснения его странному и легкомысленному поступку. Впрочем, дня через два я и сам о нем позабыл.

Между тем с отъезда мисс Мей прошло уже около двух недель. Петр Илиодорович стал понемногу приходить в себя от своего любовного угара. Лицо его потеряло прежнее комически торжественное выражение, и сам он опять втянулся в свои ежедневные газетные сплетни. О прекрасной англичанке Петр Илиодорович не упоминал ни словом и даже отмалчивался, когда о ней заходила речь. Кажется, он окончательно убедился, что все время состоял в ее свите самым ничтожным статистом.

Но вскоре произошло неожиданное событие, опять выдвинувшее на сцену отсутствующую мисс. На имя Петра Илиодоровича прислали однажды с почты повестку на какую-то ценную посылку. На другой же день рассыльный принес в редакцию эту посылку, обернутую грубым холстом и запечатанную по швам красным сургучом. Петр Илиодорович вооружился перочинным ножом, а мы, то есть я, Крикуновский, конторская девица и даже сам случайно вышедший из своего кабинета редактор, столпились вокруг него. Петр Илиодорович бережно распорол холст и снял его: под ним оказался маленький деревянный ящик, запакованный в газетную бумагу. В ящике, наполненном ватой, лежала изящная бонбоньерка, запертая на крошечный замочек, и при ней на тоненькой цепочке почти микроскопический ключик. Петр Илио-